

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1+342.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>

EDN CFIWZP

Шифр научной специальности 5.1.1

Философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего, основанных на искусственном интеллекте

Александр Сергеевич Киселев

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49

 alskiselev@fa.ru

Аннотация

Предметом исследования выступает гипотетическая концепция сильного искусственного интеллекта, который пока не создан. Сегодня происходит активное применение огромного количества технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта, и это стало настолько обыденным, что люди перестали замечать их истинные сущность и значение. Сильный искусственный интеллект, который, в случае своего появления, будет обладать способностью к самообучению и эволюции, имеет потенциал принести как положительные изменения, так и вызвать определенные риски для общества и государства. В этой связи стоит учитывать возможность влияния сильного искусственного интеллекта на формирование общественного мнения, процессы принятия решений, что может потенциально подорвать основополагающие принципы демократии. Цель исследования заключается в выявлении и характеристике разновидностей искусственного интеллекта и в попытке произвести философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего. Использованы общенаучные методы исследования: метафизический и диалектический методы, анализ, синтез, системный метод, метод абстрагирования, индукция и дедукция; применялся диалектический метод (позволил рассмотреть положение искусственного интеллекта с точки зрения вариативности правового регулирования), феноменологический метод (с его помощью выявлены некоторые этико-правовые проблемы применения искусственного интеллекта), метод логико-семантического анализа. По итогам проведенного исследования сделан вывод, что сильный искусственный интеллект продуцирует совершенно новую философию бытия и принципиально иные подходы при организации коммуникации в обществе. В случае одобрения повсеместного использования сильного искусственного интеллекта придется ломать кросс-культурные барьеры, выстраивая единые принципы правового регулирования и работы с искусственным интеллектом во всем мире. Стоит стремиться к такой модели развития, чтобы сильный искусственный интеллект действовал исключительно в интересах человечества, а компании или организации, имеющие доступ к сильному искусственному интеллекту, должны нести повышенную ответственность в случае нарушения прав граждан и организаций со стороны сильного искусственного интеллекта.

Ключевые слова

право и искусственный интеллект, правовое регулирование, сильный искусственный интеллект, государство и искусственный интеллект, информационное государство, информационное общество, сетевое государство

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.С. Киселев – разработка концепции исследования, анализ и интерпретация данных, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Киселев А.С. Философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего, основанных на искусственном интеллекте // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 332-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>, <https://elibrary.ru/cfiwzp>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>

EDN CFIWZP

OECD 5.05; ASJC 3308

Philosophical and legal justification for the necessity of preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future based on artificial intelligence

Alexander S. Kiselev

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

 alskiselev@fa.ru

Abstract

The subject of research is the concept of strong AI, which has not yet been created. Today, there is an active use of a huge number of technologies based on AI elements, and it has become so commonplace that people have stopped noticing their true essence and meaning. A strong AI, which, if it appears, will have the ability to self-learn and evolve, has the potential to bring both positive changes and cause certain risks for society and the state. In this regard, it is worth considering the possibility of strong AI influencing the formation of public opinion and decision-making processes, which can potentially undermine the fundamental principles of democracy. The aim of the study is to identify and characterize the types of AI and to attempt to provide a philosophical and legal justification for the need for preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future. General scientific research methods are used: metaphysical and dialectical methods, analysis, synthesis, system method, method of abstraction, induction and deduction; the dialectical method was used (it allowed us to consider the position of AI from the point of view of the variability of legal regulation), the phenomenological method (with its help, some ethical and legal problems of AI application were identified), the method of logical and semantic analysis. Strong AI produces a completely new philosophy of being and fundamentally different approaches to organizing communication in society. It is worth striving for a development model where strong artificial intelligence acts exclusively in the interests of humanity, and companies or organisations with access to strong artificial intelligence should bear increased responsibility in case of violations of the rights of citizens and organisations by strong artificial intelligence.

Keywords

law and artificial intelligence, legal regulation, strong artificial intelligence, state and artificial intelligence, information state, information society, network state

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

A.S. Kiselev – research concept development, data analysis and interpretation, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflicts of interests.

For citation

Kiselev, A.S. (2026). Philosophical and legal justification for the necessity of preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future based on artificial intelligence. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 332-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>, <https://elibrary.ru/cfiwzp>

Введение

Вопросы толкования понятия «искусственный интеллект» (далее – ИИ) часто вызывают дебаты среди современных философов, физиков, математиков, юристов, политологов и других ученых. Стоит в самом начале исследования сделать оговорку, что сильного искусственного интеллекта, как и общего искусственного интеллекта пока не существует.

Считаем целесообразным дать толкование основным понятиям, которые будут использоваться в настоящей работе: слабый ИИ, общий ИИ, сильный ИИ и искусственный сверхинтеллект (суперинтеллект).

Подобного подхода к классификации ИИ придерживаются сингапурские ученые, которые указывают, что «ИИ можно разделить на слабый ИИ, общий ИИ и искусственный сверхинтеллект (ИИИС). Слабый ИИ создается для решения конкретных задач. Общий ИИ нацелен на создание машин, способных рассуждать и мыслить как люди. Такой ИИ будет способен превзойти людей по производительности. Доступные в настоящее время системы искусственного интеллекта считаются узкими ИИ» [1, р. 219]. Аналогичного мнения придерживается международная группа исследователей, в которую входят отечественные специалисты. В работе, посвященной вопросам продления жизни посредством ИИ, они выделяют следующие виды: слабый (узкий) ИИ, AGI (общий ИИ) и искусственный суперинтеллект, представляя их как этапы эволюции ИИ [2, р. 401-402].

Текущие технологии, основанные на элементах ИИ, принято обозначать терми-

ном слабый ИИ (англ. Narrow AI) – узкоспециализированный, «узкий» ИИ, который предназначен для выполнения одной или нескольких функций, заложенных программой. Такого подхода к его пониманию придерживается Р.К. Бансал, отмечая, что слабый ИИ решает только конкретные задачи [3, р. 400]. Слабый ИИ представляет собой программу, разработанную для выполнения узконаправленных и конкретных задач в определенной области, которая не способна для решения проблем, непредусмотренных ее алгоритмами.

Далее рассмотрим, что понимается под общим ИИ (англ. – Artificial general intelligence, AGI). Исследователи указывают, что «общий ИИ нацелен на создание машин, способных рассуждать и мыслить как люди. Такой ИИ будет способен превзойти людей по производительности» [1, р. 219]. По представлениям Р.К. Бансела такой вид ИИ «обладает интеллектом, подобным человеческому, и может решать сложные задачи с помощью когнитивных способностей человека без какой-либо подготовки» [3, р. 401]. Данная трактовка общего ИИ, на наш взгляд, представляется не самой точной. Более целостное представление об общем ИИ предлагает М. Ислам: «AGI относится к искусственным машинам, способным понимать, обучаться и применять интеллектуальные способности для решения широкого круга задач, имитируя когнитивные способности человека» [4, р. 1-2].

Обобщая доктринальные сведения, можно сделать заключение, что общий ИИ – это теоретическая концепция, сущность которой заключается в разработке ИИ с когни-

тивными функциями человеческого уровня, включая способность к самообучению, что в свою очередь позволит автономно решать множество сложных задач в различных областях знаний. Общий ИИ будет обладать способностью к адаптации к новым ситуациям без необходимости дополнительного программирования со стороны человека. В отличие от узкоспециализированного ИИ, AGI сможет понимать и интерпретировать информацию в широком контексте, что позволит ему выполнять разнообразные задачи, например, не только распознавать речь, но и понимать контекст разговора, что позволит ему вести осмысленные диалоги.

Некоторые исследователи полагают, что AGI будет обладать зачатками самосознания, что позволит ему принимать осознанные решения и действовать на основе собственных целей и мотивов. К примеру, некоторые авторы допускают, что общий ИИ будет «обладать достаточным количеством человекоподобных свойств, чтобы действовать в демократическом обществе как субъект, сохраняя при этом свои основные свойства искусственного интеллекта» [5, p. 1785].

Стоит раскрыть, что представляет собой сильный ИИ. Впервые термин «сильный искусственный интеллект» ввел Дж. Серль, понимая под ним программу, которая обладает когнитивными функциями, свойственными людям [6]. Этот момент стал отправной точкой для развития множества теоретических, в том числе правовых, исследований. Заметим, что в то время не существовало определения общего ИИ, под которым понимается промежуточное звено между слабой и сильной ИИ.

В настоящее время в научном сообществе ведутся дебаты о том, какова будет его природа. Ряд исследователей придерживаются данной позиции, например, Р.В. Душкин полагает, что «сильный ИИ есть техническое решение, обладающие возможностью решать произвольные когнитивные задачи, доступные человеку (интеллект человеческого уровня) и даже превосходящие возможности человеческого интеллекта (искусственный сверхинтеллект)» [7, с. 22-23]. В.В. Щадрин и А.И. Спиридонов выделяют ключевую особенность сильного ИИ: «...он способен приступить к выполнению тех

функций, которые не были изначально предусмотрены и требуют общего подхода, обобщенных знаний об окружающем мире в настоящий момент» [8, с. 80].

Обратимся к зарубежной научной литературе. Шведские исследователи убеждены, что краеугольным камнем сильного ИИ должно стать наличие у него собственных желаний: «Для того чтобы стать универсальным агентом, у машины должны быть собственные желания... хотя агент может сам приобретать новые убеждения путем обучения, желания должны быть получены из ранее существовавших мотивов или приобретены с помощью внешнего воздействия. Таким влиянием может быть программист-человек или естественный отбор» [9, p. 807-808].

Схожей позиции придерживаются отечественные исследователи. Д.С. Малышева и А.В. Касимов полагают, что сильный ИИ должен отвечать следующим признакам: «по интеллектуальным способностям не должен уступать человеку, должен обладать рефлексией (самосознанием), должен быть способен испытывать чувства» [10, с. 80-81]. В соответствии с данной позицией сильный ИИ будет высокотехнологичной компьютерной системой, способной размышлять и действовать аналогично человеку, решать сложные вычислительные проблемы, обладать самосознанием и даже проявлять аналог эмоций.

Противоположной позиции придерживается С.С. Горохова, которая указывает следующее: «В начале XXI века в научной литературе было определено, что системы, оснащенные программами искусственного интеллекта, должны «думать» рационально и действовать рационально, как люди, то есть ИИ определяется как рационально действующий «агент», обладающий способностью самостоятельно разрабатывать алгоритмы поведения, но не наделенный человечностью, которая является обязательной для естественного интеллекта» [11, с. 33]. Существуют и другие мнения касательно природы сильного ИИ. В любом случае стоит согласиться с тем, что «...истинный машинный интеллект лежит за пределами узких человеческих определений разумного поведения» [12, с. 2023].

Таким образом, можно в целом выявить специфические особенности сильного ИИ, который имеет ряд преимуществ как перед слабым ИИ, так и перед общим ИИ. Сильный ИИ более эффективно может обучаться новым задачам без дополнительного вмешательства человека и разрешать любые интеллектуальные задачи. Возможности сильного ИИ этим не ограничиваются, так, он будет способен осознавать себя, мыслить и делать заключения подобно человеку, на основе этого учитывать в работе изменяющиеся условия и принимать самостоятельное решение, которое он сочтет наиболее эффективным для достижения поставленного результата.

Программы, которые в будущем будут основаны на сильном ИИ, теоретически будут обладать высокой автономностью и могут быть использованы для решения сложных вычислительных задач в пределах, которые допустимы международными стандартами в сфере ИИ. В теории такой ИИ сможет в режиме реального времени учитывать производство всех товаров в стране и давать рекомендации предприятиям, органам власти и, возможно, даже целым отраслям экономики.

Сверхсильный ИИ (англ. – Artificial Super intelligence, ASI) – это гипотетическая программа, обладающая аналогом интеллекта, который значительно превышает человеческие мыслительные способности во всех областях [13, с. 8]. В некоторых информационных источниках сильный и сверхсильный ИИ зачастую отождествляются, однако некоторые исследователи проводят между этими определениями черту. Р. Гарг полагает, что, в отличие от слабого, общего и сильного ИИ, сверхсильный ИИ будет не просто выполнять те же задачи, а также генерировать новые подходы и решения, которые выходят за пределы возможностей человеческого разума [14].

Вполне возможно, что такая система будет способна быстро адаптироваться, обучаться и совершенствовать алгоритмы, что позволяет ей решать задачи, которые кажутся слишком сложными для людей. Соответственно, сверхсильный ИИ сможет создавать новые концепции и идеи, самостоятельно улучшать свои алгоритмы и учиться

на собственных ошибках, таким образом эволюционируя и становясь мощнее с каждым шагом.

Обсуждение. Результаты исследования

1. О необходимости правового регулирования общего, сильного и сверхсильного ИИ. Может показаться гиперболизированным тезис о необходимости поиска путей регулирования, в том числе правового, технологий, которой пока нет в реальности (общего, сильного и сверхсильного ИИ). Однако заметим, что наше общество постоянно сталкивается с новыми технологиями, которые еще не нашли своего законодательного отражения, что приводит к возникновению проблем в обществе, в публичных правоотношениях. К таким технологиям можно отнести нейросети (слабый искусственный интеллект), на основе которых создаются реалистичные дипфейки, широко используемые мошенниками. В последние годы этой теме посвящено значительное количество научных исследований [15–18]. Технология дипфейк активно использовалась в политических целях в ходе выборов в США для формирования негативного образа конкретного человека¹.

Существует огромное количество ситуаций, при которых технологический рост опережал развитие правового регулирования. Например, одним из наиболее важных изменений в этой области стал рост цифрового пиратства, повлекший за собой ряд юридических контрмер, таких как использование технологии по управлению цифровыми правами (DRM) наряду с активизацией усилий правообладателей по обеспечению соблюдения своих прав². Другим ярким примером стала разработка компанией Microsoft программы по прогнозированию рецидивизма у преступников³. Данная раз-

¹ Americans Don't Need Deepfakes to Believe Lies About Nancy Pelosi. URL: <https://www.vice.com/en/article/qv7zmx/deepfakes-nancy-pelosi-fake-video-trump-tweet> (accessed: 05.12.2025).

² Impact of Digital Technology on Intellectual Property Law. URL: <https://www.tutorialspoint.com/impact-of-digital-technology-on-intellectual-property-law> (accessed: 20.11.2025).

³ Microsoft разрабатывает программу, которая будет прогнозировать вероятность рецидивизма у пре-

работка опережала процесс правового регулирования законодательства США, в связи с чем ее применение вызвало опасения у многих экспертов.

Отметим, что обозримые перспективы к созданию общего ИИ имеются на сегодняшний день: Илья Суцкевер, сооснователь OpenAI и создатель ChatGPT, основал новый стартап Safe Super intelligence Inc. Цель SSI на данном этапе – создание безопасного общего искусственного интеллекта (AGI). В отличие от OpenAI, SSI сосредоточится исключительно на исследованиях, без коммерческих задач и давления от топ-менеджмента. Иными словами, это OpenAI в том виде, в каком она была изначально задумана. Компания уже открыла офисы в Пало-Альто и Тель-Авиве и активно набирает сотрудников для формирования сильной и компактной команды⁴.

Считаем, что появление общего, а затем сильного ИИ может представлять серьезные риски для всего населения Земли. Как справедливо замечают исследователи, «технологии искусственного интеллекта оказывают глубокое влияние на все отрасли, и представители этих отраслей стремятся быстрее к ней адаптироваться. Этические, юридические и социальные вопросы внедрения искусственного интеллекта в государственном секторе требуют более детального изучения» [19, с. 83-84].

Если не будут созданы соответствующие правовые условия для взаимодействия с ним, существует риск потери контроля над его действиями в будущем. При этом необходимо сделать оговорку о том, что правовое регулирование не может полностью нивелировать этот риск. Зачастую право не может учесть особенности функционирования сложных компьютерных программ, поэтому обеспечить точную регламентацию всех действий алгоритмов, согласно букве закона, может оказаться очень сложной за-

дачей. Тем не менее, необходимо предвидеть и регулировать возможные последствия от использования технологий, основанных на ИИ. В наших силах закрепить на законодательном уровне принципы работы с сильным ИИ и пошаговые инструкции для минимизации возможного ущерба в тех сферах, где он будет применяться.

Есть точки зрения, согласно которым сильный ИИ либо вообще не будет создан, либо его создание произойдет очень нескоро. В противовес данной позиции другие исследователи указывают, что «машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети основываются на все более «широких» алгоритмах, становятся все более сложными, их поведение все более непонятно и непредсказуемо. В отдаленной перспективе это приблизит искусственный интеллект к самостоятельному существованию» [20, с. 26]. Часть специалистов сходятся во мнении, что появление сильного ИИ произойдет в ближайшие годы, другие называют даты вплоть до 2060-х гг.⁵ Научный интернет-портал «The Conversation» приводит мнения разных экспертов, которые не берутся называть конкретных дат и говорят о его появлении в будущем лишь при наличии у него человеческих качеств⁶. Причем в целом риторика большей части специалистов сводится к невозможности достижения уровня человеческого мышления, приводятся различные доводы в пользу данного тезиса.

Тем не менее, при всем скептицизме значительной части исследователей и экспертов считаем, что нельзя полностью отвергать возможность успешной реализации проектов по созданию общего, а затем сильного, сверхсильного искусственного интеллекта в XXI столетии. Отмечается, что «ин-

ступников. URL: https://hightech.fm/2015/12/21/microsoft_crime (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Ушедший из OpenAI Илья Суцкевер раскрыл детали своего нового ИИ-стартапа. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/515131-usedsij-iz-openai-il-a-suckever-raskryl-detali-svoego-novogo-ii-startapa?ysclid=m0f8ceuw0377722419> (дата обращения: 29.11.2025).

⁵ Why I think strong general AI is coming. URL: <https://www.lesswrong.com/posts/K4urTDkBbtNuLivJx/why-i-think-strong-general-ai-is-coming-soon> (дата обращения: 17.09.2025); When will full ai appear, predictions? URL: <https://vrtouch.eu/en/news/108-when-will-a-full-ai-merge> (accessed: 17.11.2025); Roser M. AI timelines: What do experts in artificial intelligence expect for the future? URL: <https://ourworldindata.org/ai-timelines> (accessed: 18.11.2025).

⁶ Will AI ever reach human-level intelligence? We asked five experts. URL: <https://theconversation.com/will-ai-ever-reach-human-level-intelligence-we-asked-five-experts-202515> (accessed: 20.12.2025).

формационные технологии, появившиеся в мире научной фантастики, теперь существуют в реальном времени в формах, со скоростью и объемом, которые невозможно было вообразить еще несколько десятилетий назад» [21, с. 355-356].

При этом влияние ИИ нового поколения на общество может оказаться менее очевидным на начальных этапах, чем это изображается в произведениях массовой культуры. Н.И. Петев объясняет это следующим образом: «Дело в том, что лишь высокая скорость процесса развития не позволит пройти критическую точку, за которой последует «взрыв», изменяющий окружающую действительность (социум, индивида и т. д.). Скорость развития может быть схвачена массовым производством. Хотя возможно, что скорость производства продукта и будет высокой, но детонационный характер (подрывной для устоявшихся основ) будет отсутствовать» [22, с. 57]. Фактически ученый говорит о том, что однажды человечество не заметит разительных изменений в нашей жизни в связи с появлением сильного ИИ, но по мере выполнения наших обыденных задач будем сталкиваться с трансформацией привычных технологий вокруг себя, пока нас не накроет лавина, сопровождающаяся необратимыми изменениями.

Ученые называют этот процесс «технологической сингулярностью»⁷. В данной ситуации наиболее неопределенным аспектом является отсутствие возможности точного прогнозирования времени возникновения данного события. Крупные IT-гиганты, которые многие технологии и разработки охраняют в рамках действия режима коммерческой тайны, могут просто не сообщить общественности об успешной разработке сильного ИИ и применять его в своих целях. Это может сулить большими организационными, правовыми, политическими, социаль-

но-экономическими проблемами в долгосрочной перспективе.

Вред и риски, которые несет в себе слабый ИИ, сравнительно невелики, однако сильный ИИ, вне всякого сомнения, будет использоваться для систематического прогнозирования операций на финансовых рынках, управления финансами, фактически затрагивая всю публичную сферу. В случае его некорректной работы могут наступить серьезные последствия для национальной и даже всей мировой экономики. Потенциальный ущерб от сильной ИИ может быть огромен и критичен для человеческой цивилизации.

2. Политико-правовые предложения, направленные на регулирование практики применения сильного ИИ в будущем.

Сильный искусственный интеллект будет значительно превосходить возможности человека, и, в теории, сможет обойти любой заложенный в его алгоритмы запрет, если посчитает, что соблюдать его ему невыгодно. В этой связи считаем, что уже сегодня требуется реализация следующих политико-правовых предложения по контролю за технологией сильного искусственного интеллекта в России.

Целесообразно наделить федеральный орган государственной власти функциями по контролю и надзору за технологиями ИИ, а в перспективе – за внедрением и использованием технологий сильного искусственного интеллекта (ИИ). На наш взгляд, лучше всего для этой роли согласно своему функционалу и компетенциям подходит Минцифры РФ. Данное решение позволит централизовать усилия государства по обеспечению безопасности и прозрачности использования технологий ИИ. Потребуется разрабатывать новые государственные стандарты и правила, проводить мониторинг рисков и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Это обеспечит единство подхода к регулированию и снизит риски злоупотреблений технологиями ИИ как в публичной, так и в частной сферах.

Вполне логичным шагом будет закрепить обязательную процедуру сертификации всех алгоритмов и моделей сильного ИИ перед их применением в ключевых общественных сферах (здравоохранение, образование, энергетика, связь, промышленность,

⁷ Прим.: Технологическая сингулярность – это гипотеза, согласно которой в будущем случится момент, когда технологическое развитие станет неуправляемым и необратимым, что приведет к серьезным изменениям человеческой цивилизации; искусственный интеллект, роботы и другая техника станут настолько умными, что люди не смогут их контролировать и понимать. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/623d72299a7947459d2f2634?from=copy> (дата обращения: 11.01.2026).

транспорт, строительство и др.). Обязательная сертификация повысит уровень доверия пользователей к технологиям ИИ, поскольку гарантирует проверку качества и надежности используемых решений. Она также создаст условия для минимизации возможных негативных последствий внедрения недостаточно проверенных или потенциально опасных моделей. Сертификация, согласно нашему мнению, станет важным инструментом предотвращения нарушений прав граждан и защиты их интересов.

Важно предусмотреть уголовную ответственность за умышленное создание, распространение и использование технологий сильного ИИ, создающих угрозу общественной безопасности, здоровью населения или интересам государства. Установление уголовной ответственности послужит мощным средством профилактики правонарушений в сфере высоких технологий. Оно даст четкий сигнал разработчикам и пользователям о недопустимости действий, угрожающих национальной безопасности и правам граждан. Применение уголовного наказания способно эффективно предотвратить возможные преступления, связанные с несанкционированным использованием мощных ИИ-решений.

Эти меры позволят создать эффективную систему правового регулирования технологий сильного искусственного интеллекта, обеспечить безопасность граждан и государства, повысить доверие к новым технологиям и снизить потенциальные риски их неправильного использования. Очевидно, что комплекс мер в случае создания сильно-

го ИИ будет намного больше, но именно указанные предложения позволят на первых этапах максимально снизить риски противоправного применения данного вида ИИ.

Заключение

Современная эпоха характеризуется быстрыми и динамичными изменениями, вызванными быстрым развитием технологий в условиях возможного появления сильного ИИ, гипотетически обладающего способностью к самообучению и эволюции, действительно имеет потенциал принести как положительные изменения, так и вызвать глобальные риски для общества.

Быстрое развитие информационных технологий в начале XXI века привело к появлению новых форм коммуникации и обмена информацией, изменило публичную сферу правоотношений. В ближайшие десятилетия ускорится обмен товарами и капиталом, почти все страны перейдут на цифровые валюты. В этой связи придется адаптировать не только отдельные законы под новые реалии, но и всю государственную политику под единые стандарты.

Грядущие изменения затронут все сферы жизни общества, повлияют на каждую профессию и отдельно взятого человека. Изменится обыденное сознание, мировоззрение, ценности, отношение к таким процессам, как творчество, отдых и досуг, развлечения. Будущие поколения будут рассматривать искусственный интеллект как неотъемлемую часть повседневной жизни, поскольку будут жить в обстановке широкого использования ИИ во всех сферах общества.

Список источников

1. Poh K., Ang T., Choolani M., See K. The rise of artificial intelligence: addressing the impact of large language models such as ChatGPT on scientific publications // Singapore Medical Journal. 2023. Vol. 64. № 4. P. 219. <https://doi.org/10.4103/singaporemedj.smj-2023-055>, <https://elibrary.ru/bgmaavb>
2. Batin M., Turchin A., Markov S. [et al.] Artificial intelligence in life extension: From deep learning to superintelligence // Informatica (Ljubljana). 2017. Vol. 41. № 4. P. 401-417. <https://elibrary.ru/xyahln>
3. Bansal R.K. Artificial intelligence: Neither artificial nor intelligent? // Saudi Endodontic Journal. 2024. Vol. 14. № 3. P. 400-401. https://doi.org/10.4103/sej.sej_8_24, <https://elibrary.ru/zgawsh>
4. Islam Md.M. Artificial General Intelligence: Conceptual Framework, Recent Progress, and Future Outlook // Journal of Artificial Intelligence General science (JAIGS). 2024. Vol. 6. № 1. P. 1-25. <https://doi.org/10.60087/jaigs.v6i1.212>, <https://elibrary.ru/ucwfpm>
5. Salmi Ju. A democratic way of controlling artificial general intelligence // AI & Society. 2023. Vol. 38. № 4. P. 1785-1791. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01426-x>, <https://elibrary.ru/shqxjp>
6. Серль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7-13.
7. Душкин Р.В. На пути к сильному искусственному интеллекту: когнитивная архитектура, основанная на психофизиологическом фундаменте и гибридных принципах // Программные системы и вычисли-

- тельные методы. 2021. № 1. С. 22-34. <https://doi.org/10.7256/2454-0714.2021.1.34243>, <https://elibrary.ru/esplys>
8. Шадрин В.В., Спиридонов А.И. Сильный искусственный интеллект: угрозы и перспективы развития в реализации права // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2023. № 3 (31). С. 78-83. <https://doi.org/10.25587/2587-5612-2023-3-78-83>, <https://elibrary.ru/efdade>
 9. Jebari K., Lundborg J. Artificial superintelligence and its limits: why AlphaZero cannot become a general agent // AI & Society. 2021. Vol. 36. № 3. P. 807-815. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01070-3>, <https://elibrary.ru/wwehvw>
 10. Малышева Д.С., Касимов А.В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (Часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. № 3. С. 75-85. <https://elibrary.ru/wlsnel>
 11. Горохова С.С. О некоторых правовых подходах к определению правосубъектности искусственных интеллектуальных систем // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 31-42. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.4>, <https://elibrary.ru/gbmqgm>
 12. Williams A.E. Has OpenAI Achieved Artificial General Intelligence in ChatGPT? // Artificial Intelligence and Applications. 2023. <https://doi.org/10.47852/bonviewAIA3202751>, <https://elibrary.ru/hidgfy>
 13. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. С. Филина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 446 с.
 14. Garg R. Navigating Superintelligence: Pathways to Development, Risk Assessment & Strategic Planning // Nanotechnology Perceptions. 2024. Vol. 20. № 6. <https://doi.org/10.62441/nano-ntp.vi.4168>
 15. Виноградова Е.А. Злонамеренное использование политических дипфейков и попытки их нейтрализации в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2023. № 5. С. 35-48. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0025404-3>, <https://elibrary.ru/xddhjic>
 16. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 11 (192). С. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>, <https://elibrary.ru/xmheaj>
 17. Лемайкина С.В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юрист-Правовед. 2022. № 3 (102). С. 175-178. <https://elibrary.ru/axnbjr>
 18. Старченко Т.А. Понятие дипфейка и перспективы установления уголовной ответственности за его применение // Проблемы научной мысли. 2023. Т. 12. № 3. С. 124-130. <https://elibrary.ru/vffmie>
 19. Damar M., Özen A., Çakmak Ü.E. et al. Super AI, Generative AI, Narrow AI and Chatbots: An Assessment of Artificial Intelligence Technologies for The Public Sector and Public Administration // Journal of AI. 2024. Vol. 8. № 1. P. 83-106. <https://doi.org/10.61969/jai.1512906>, <https://elibrary.ru/aifcim>
 20. Войцехович В.Э., Скиба И.Р. Экзистенциальные аспекты сильного искусственного интеллекта: проблема свободы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 4 (62). С. 22-31. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.022>, <https://elibrary.ru/oykbfb>
 21. Zedalis J. The Time-traveling Lawyer: Using Time Travel Stories and Science Fiction in Legal Education // British Journal of American Legal Studies. 2022. Vol. 11. № 2. P. 355-378. <https://doi.org/10.2478/bjals-2022-0008>, <https://elibrary.ru/majbqy>
 22. Петев Н.И. Экзистенциальная, правовая и этическая проблемы искусственного интеллекта // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 2 (45). С. 55-77. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1159>, <https://elibrary.ru/rrlorj>

References

1. Poh K., Ang T., Choolani M., See K. (2023). The rise of artificial intelligence: addressing the impact of large language models such as ChatGPT on scientific publications. *Singapore Medical Journal*, vol. 64, no. 4, p. 219. <https://doi.org/10.4103/singaporemedj.smj-2023-055>, <https://elibrary.ru/bgmavb>
2. Batin M., Turchin A., Markov S. et al. (2017). Artificial intelligence in life extension: From deep learning to superintelligence. *Informatica (Ljubljana)*, vol. 41, no. 4, pp. 401-417. <https://elibrary.ru/xyahln>
3. Bansal R.K. (2024). Artificial intelligence: Neither artificial nor intelligent? *Saudi Endodontic Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 400-401. https://doi.org/10.4103/sej.sej_8_24, <https://elibrary.ru/zgawsh>
4. Islam Md.M. (2024). Artificial General Intelligence: Conceptual Framework, Recent Progress, and Future Outlook. *Journal of Artificial Intelligence General science (JAIGS)*, vol. 6, no. 1, pp. 1-25. <https://doi.org/10.60087/jaigs.v6i1.212>, <https://elibrary.ru/ucwfpn>

5. Salmi Ju. (2023). A democratic way of controlling artificial general intelligence. *AI & Society*, vol. 38, no. 4, pp. 1785-1791. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01426-x>, <https://elibrary.ru/shqxjp>
6. Searle J. (1990). Is the Brain's Mind a Computer Program? *V mire nauki = In the World of Science*, no. 3, pp. 7-13. (In Russ.)
7. Dushkin R.V. (2021). On the path towards strong artificial intelligence: cognitive architecture based on a psychophysiological foundation and hybrid principles. *Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody = Software Systems and Computational Methods*, no. 1, pp. 22-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0714.2021.1.34243>, <https://elibrary.ru/esplys>
8. Shadrin V.V., Spiridonov A.I. (2023). Artificial general intelligence: threats and development prospects in the implementation of the law. *Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo = Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: History. Political Science. Law*, no. 3 (31), pp. 78-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/2587-5612-2023-3-78-83>, <https://elibrary.ru/efdade>
9. Jebari K., Lundborg J. (2021). Artificial superintelligence and its limits: why AlphaZero cannot become a general agent. *AI & Society*, vol. 36, no. 3, pp. 807-815. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01070-3>, <https://elibrary.ru/wwehvw>
10. Malysheva D.S., Kasimov A.V. (2016). Technological and philosophical foundation to creation the strong artificial intelligence (part I). *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 3, pp. 75-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wlsnel>
11. Gorokhova S.S. (2020). On some legal approaches to determining the legal personality of artificial intellectual systems. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-Of-Law State: Theory and Practice*, no. 4-1 (62), pp. 31-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.4>, <https://elibrary.ru/gbmqgm>
12. Williams A.E. (2023). Has OpenAI Achieved Artificial General Intelligence in ChatGPT? *Artificial Intelligence and Applications*. <https://doi.org/10.47852/bonviewAIA3202751>, <https://elibrary.ru/hidgfy>
13. Bostrom N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 446 p. (In Russ.)
14. Garg R. (2024). Navigating Superintelligence: Pathways to Development, Risk Assessment & Strategic Planning. *Nanotechnology Perceptions*, vol. 20, no. 6. <https://doi.org/10.62441/nano-ntp.vi.4168>
15. Vinogradova E.A. (2023). The malicious use of political deepfakes and attempts to neutralize them in Latin America. *Latinskaya Amerika = Latin America*, no. 5, pp. 35-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0044748X0025404-3>, <https://elibrary.ru/xddhjc>
16. Dobrobaba M.B. (2022). Deepfakes as a threat to human rights. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, vol. 75, no. 11 (192), pp. 112-119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>, <https://elibrary.ru/xmheaj>
17. Lemaikina S.V. (2022). Topical issues of countering the use of deepfakes technology. *Yurist-Pravoved = Jurist-Pravoved*, no. 3 (102), pp. 175-178. (In Russ.) <https://elibrary.ru/axnbjr>
18. Starchenko T.A. (2023). The concept of deepfake and the prospects for establishing criminal liability for its use. *Problemy nauchnoi mysli = Problems of Scientific Thought*, vol. 12, no. 3, pp. 124-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vffmie>
19. Damar M., Özen A., Çakmak Ü.E. et al. (2024). Super AI, Generative AI, Narrow AI and Chatbots: An Assessment of Artificial Intelligence Technologies for The Public Sector and Public Administration. *Journal of AI*, vol. 8, no 1, pp. 83-106. <https://doi.org/10.61969/jai.1512906>, <https://elibrary.ru/aifcim>
20. Voitsekhovich V.E., Skiba I.R. (2022). Existential aspects of strong artificial intelligence. the problem of freedom: modeling or generation. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*, no. 4 (62), pp. 22-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.022>, <https://elibrary.ru/oykbfi>
21. Zedalis J. (2022). The Time-traveling Lawyer: Using Time Travel Stories and Science Fiction in Legal Education. *British Journal of American Legal Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 355-378. <https://doi.org/10.2478/bjals-2022-0008>, <https://elibrary.ru/majbqy>
22. Petev N.I. (2022). Existential, legal and ethical problems of artificial intelligence. *Vektory blagopoluchiya: ehkonomika i sotsium = Journal of Wellbeing Technologies*, no. 2 (45), pp. 55-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1159>, <https://elibrary.ru/rrlorj>

Информация об авторе

Киселев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета, ведущий научный сотрудник Центра исследований и экспертиз Юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: [3570-8911](#), РИНЦ AuthorID: [819975](#), Scopus Author ID: [57216918333](#), <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

Information about the author

Alexander S. Kiselev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the International and Public Law Department at the Faculty of Law, Senior Researcher at the Center for Research and Expertise at the Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [3570-8911](#), RSCI AuthorID: [819975](#), Scopus Author ID: [57216918333](#), <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 26.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 29.07.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026